

Л. И. ПЕТРОВА

СТИХ ОБ АНИКЕ-ВОИНЕ

МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Есть одна встреча верная, неминуемая —
это встреча со смертью.

Свт. Филарет

Как это ни покажется удивительным, обозначенная в эпиграфе тема, одна из основополагающих в христианском вероучении и весьма распространенная в христианской литературе, практически не нашла отражения в русских духовных стихах устной традиции. Пронзительный мотив:

Сы вечера человеча
Веселился и радовался —
На утри человеча во гробе лежит...¹

характерен для стихов «покаянных» — явления письменной культуры. Персонификация смерти, столь часто встречающаяся в фольклорных произведениях различных жанров, в эпических духовных стихах отсутствует. В системе последних «Анике-воин», который, по мнению исследователей, «в свое время (...) выражал официально-церковное христианское учение о смерти»,² кажется на первый взгляд исключением.

Прочно вошедший в репертуар народных сказителей стих об Анике фиксировался на Мезени, в Обонежье, на Зимнем и Карельском берегах Белого моря, в Вятской и Оренбургской губерниях. Однако общее количество опубликованных текстов не превышает двух десятков³ и оказывается порой недостаточным для определенного рода выводов, в особенности относительно вариативности на региональном уровне. Так, отсутствие каких-либо указаний собирателей даже на возможность бытования «Аники-воина» на Кулое (при документально зафиксированной его распространенности на близкой по традиции Мезени) еще не может служить доказательством того, что этот сюжет не был известен куйским сказителям. Ко всему прочему ряд текстов «Аники-воина» не имеет достаточной паспортизации или вовсе лишен таковой.

Исследователи вроде бы не обходили вниманием этот духовный стих,⁴ однако степень его изученности еще весьма невелика.

Основной сюжетообразующий источник «Аники-воина» был выявлен еще в XIX столетии в процессе изучения памятников древнерусской литературы, а

¹ Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1864. Вып. 6. С. 325.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3 т. / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 511.

³ Библиографию вариантов см.: Там же. Дополнения см. в сносках в настоящей статье.

⁴ Библиографию исследований см.: Там же.

именно — повести XVI в. «Прения живота и смерти».⁵ Подробный анализ всех сохранившихся ее списков, осуществленный в недавнее время Р. П. Дмитриевой, позволил этот источник конкретизировать: «...общие черты между стихом об Анике-воине и „Прением живота и смерти“ обнаружаются наиболее ярко на примере пятой редакции. Только в пятой редакции воин хвастается своей непобедимой силой, так же как Аника-воин; в некоторых списках воин называется богатырем.

Еще большее сходства между рассказом об Анике-воине и „Прением“ наблюдается во второй украинской редакции. Здесь воин не только в споре доказывает свою силу, но так же, как Аника, пытается безуспешно вступить с ней в единоборство».⁶

Разделяя точку зрения автора относительно сближения «Аники-воина» со славяно-русской обработкой переводного памятника, обратим особое внимание на невозможность сколько-нибудь жесткой привязанности стиха к какой-то одной из «распространенных» (терминология и классификация Р. П. Дмитриевой) редакций.

Так, например, в пятую редакцию, на которую ссылается исследовательница, включены пространные, занимающие треть текста, «поучения»:

«Послушайте. О горе нам, мужие и жены, поистинне скажу вам: днесь ростем, а в утре тлеем, днесь брак и веселье, а во утрии плач и рыданье, скорбь и сетование, вопль и стенание...».⁷ Такого рода «поучения» сродни стихам «умильным»:

Прийдемте, братия, послушаемте
Про житие человеческое:
Человек живет —
Как во поле трава растет (...)⁸

В отличие от рукописной традиции, которая усвоила и развила назидательные мотивы «Прений», «Аника-воин» (весьма динамичный, как и большинство эпических духовных стихов) «заимствовал» из литературного источника прежде всего форму диалога-спорта богатыря со Смертью, «опуская» все морализаторские отступления, все пространные рассуждения на тему жизни и смерти, содержащиеся, как уже было отмечено, в пятой редакции повести.

По вполне понятным причинам исследователи древнерусской литературы ограничивались поиском сходства духовного стиха с «Прением живота и смерти» (которое и было основным объектом их внимания) и оперировали «собирательным» вариантом «Аники».

Между тем основная идея древнерусской повести — о тленности мира сего, неминуемости конца для всякого живущего на земле — вовсе не стала доминирующей в «Анике-воине», сохранившем вроде бы ее главную «интригу»: неожиданная встреча богатыря с пугающего вида существом, представляющимся всесильной Смертью; напрасная попытка противостоять ей, сменяющаяся беспомощной мольбой об отсрочке; беспощадная расправа с героем.

«Чтобы ярче изобразить непобедимое могущество Смерти, — писал А. Афанасьев о «Прении», — повесть противопоставляет ей не просто слабого человека, но богатыря, славного своею силою и опустошительными наездами, гордого, жестокого и самонадеянного».⁹ Однако такого рода конфликт («бога-

⁵ Впервые на эту связь указал Н. С. Тихонравов: *Тихонравов Н. С. Повести о прении живота со смертью : Текст и историко-литературные сличения // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1, кн. 2. Отд. III. С. 183—193.*

⁶ *Повести о споре жизни и смерти. // Исслед., подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1994. С. 70 (далее в тексте и сносках — «Прения»).*

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Калики перехожие... Вып. 6. С. 325.

⁹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу : В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 45.

тырь—смерть») и трагический характер его разрешения в целом не соответствовали художественной системе устной духовной поэзии. «Богатырскими» чертами наделяет она праведников и мучеников, угодников Божиих: «зычным голосом» может кричать «убогий Лазарь» («Два брата Лазаря»); не по дням, а по часам — подобно былинным и сказочным героям — растет Алексей человек Божий («Алексей человек Божий»); святой младенец Кирик, «трех лет без трех месяцев», с радостью идет на мучения во имя веры Христовой («О святом младенце Кирике»). Герой духовного стиха гибнет так же редко, как и в героическом эпосе. Остается невредимым святой Егорий, которого подвергают смертельный пыткам: пилюй пилят, топорами секут, варят в котле («Мучения Егория»). Невредимым оказывается дитя, брошенное в печь матерью во имя спасения младенца Христа («Милостивая жена милосердая»). Не подвергается мученической смерти — в отличие от своего литературного «прототипа» из «Жития Феодора Тирона» — «младый человек Фёдор Тирон», «от роду двенадцати лет», победивший царя иудейского и спасший свою мать («Фёдор Тирон»).

В поэтической системе русского духовного стиха устной традиции не находится место образу смерти. В подавляющем большинстве случаев даже само это слово не употребляется, а понятие «смерть» заменяется совсем иным (в акцентном отношении) — понятием «расставание души с телом»:

Божья Матерь прогласила:
«Олексей человек ведь Божий!
Пойди в своё царьство —
Скоро тебе будет представленье,
Души твоей выходеньё».¹⁰

Даже богатый Лазарь боится не столько конца своего земного существования, сколько того, что следует за ним, фактически — Суда Божьего и потому просит у Бога вовсе не отсрочки смерти:

Сόшли, Господь Бог, двоих аньделов,
Двоих аньделов, двух арханьделов,
Кротких, и смиренных, и милосливых,
Штобы ёсну мою душу выложили,
Не крюком, не боком душу вытенули,
Положили бы душиньку под правое крыло,
Положили бы душиньку и на пелену,
Выездынули душиньку на небеса,
Положили бы душиньку во пресветлой рай!¹¹

В свете сказанного кажется неизбежным изменение «статуса» главного героя «Прений живота со смертью» при его «заимствовании» народной духовной поэзией.

Действия воина в древнерусской повести не преследуют какой-то определенной цели: «И многия полки человек той побивая, и многия сильныя богатыри побивая, имея в себе велию силу и храбрость, и разума исполнен и всякия мудрости; и помышляше в себе, глаголя высокая и гордая словеса: если убо на

¹⁰ Духовные стихи на Мезени: (Из полевых тетрадей А. М. Астаховой) / Публ. Л. И. Петровой // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32. С. 333 (далее в тексте — РФ 32, с указанием страницы).

¹¹ Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860. С. 75—76. Единственное исключение — стих, записанный в г. Саратове. См.: Там же. С. 72. В нем богатый Лазарь просит «долгой жизни» (далее в тексте — Варенцов, с указанием страницы).

сем свете, на всей поднебесней кто бы мог со мною битися или противу mine стати, — царь, или богатырь, или зверь сильный?».¹² Цель действий Аники перед непосредственной встречей со Смертью, напротив, вырисовывается достаточно четко в подавляющем числе текстов, причем записанных в разных регионах:

Добирается Аника до начальнова граду Ерусалиму;
и хочет Аника начальной град Ерусалим раззорити,
и соборную церкву растворити,
и хочет лик Божий поругати,
и святые иконы хочет переколоти...

(Варенцов, с. 120—121);

Задумал Оника-воин
Ерусалим-град розорити...;¹³

Как задумал Оника он ехать в Ерусалим-град:
А хочет Оника Ерусалим-город взять,
Божьи-ти церкви и под дым спустить,
Святые иконы да копьём выколоть,
Попов-патриархов под мечь склонить,
Христианскую веру да облатынити,
Злато-серебро телегами повыкатить...;

¹⁴

Срежаится Оника-воин в начальный град Еусалиме,
Хочет начальный град розорити...

(РФ 32, с. 326)

В «Прениях живота со смертью» географические названия, что вполне естественно, отсутствуют. В былинах город Иерусалим рисуется только как объект поклонения, а не уничтожения («Сорок калик», «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим»). Главная же цель Аники-воина — именно низвержение Иерусалим-града. Причем даже в тех мезенских текстах, которые были записаны А. Д. Григорьевым от известных былинщиков и где сюжет в наибольшей степени «распространен» за счет собственно эпических формул (отсюда отсутствующее в других вариантах «злато-серебро телегами повыкатить» или «А злато и серебро окатити и телегою» [Гр. III, с. 60]), не содержится и намека на желание Аники взять в плен князя или жениться на княгине, столь свойственное былинному иноверцу-захватчику:

Подымайце царище да Кудреванище
Как на тот же на наш да стольне Киёв-град —
Хоцёт сильню-ту силу повырубить,
Хоцёт малых робят во углы повысистать,
Хоцёт старых старух да все(х) под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,
Как светы-ти иконы хотят во грезь стоптать,
Хоцёт князя Владимира под мечь склонить,
Как кнегинушку Опраксею в замужесьво взять.

(Гр. III, с. 537—538)

¹² «Прения». С. 171.

¹³ Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова // Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 126 (далее в тексте — Марков, с указанием страницы).

¹⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1910. Т. 3. С. 72—73; СПб., 1904. Т. 1; Прага, 1939. Т. 2 (далее в тексте — Гр., с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской).

Образ жестокого и самонадеянного богатыря, представленный в «Прении живота и смерти», «трансформировался» в духовном стихе об Анике-воине в почти символический образ уничтожителя веры христианской. При этом он оказался в одном ряду не столько с былинным Идолищем, сколько с Иродом (стих об избиении младенцев) или Демьянищем («Мучения Егория»). В этой связи конфликт «богатырь—смерть» вполне соотносим с основным конфликтом большинства эпических духовных стихов, а его развязка вполне закономерна: смерть выступает здесь как Суд Божий. Происходит некое переосмысление сюжета «Прения» в соответствии с законами жанра, вследствие чего он только и мог, вероятно, быть освоенным традицией устной духовной поэзии.

Весьма показательно, что в ряде вариантов «Аники» одним из основных становится мотив, содержащийся в старшей «распространенной» версии (по классификации Р. П. Дмитриевой) повести о споре жизни со смертью: «...ни милую, ни наравлю никому: как прииду, так и возму, но токмо жду от Господа Бога повеления, как Господь повелит, в мгновении ока возму, в чем тя застану, в том ти и сужду» («Прения», с. 174). При этом только один, пожалуй, вариант оказывается близок к тексту «Прений» по сути — и именно тот, что удивительно, который в наибольшей степени «ассимилировался» с былиной и максимально свободен от книжной лексики:

А уж я Смерть есть, от Бога посланая,
А на землю попущеная;
А ища я кого и завижу,
А ища я кого и заслышу —
А и тут я того и взъму

(Гр. III, № 11, с. 315 — запись
от знаменитого сказителя В. Я. Тяросова).

В остальных случаях обозначенный мотив (при его наличии, разумеется) претерпевает в духовном стихе своего рода концептуальную трансформацию: Смерть посыпается Богом не просто для пресечения человеческой жизни, но для пресечения помыслов и деяний, направленных против веры:

«Если бы не похвалялся Аника разрушить гроб Господен, то жил бы и другие 330 лет»¹⁵ (Заонежье, запись от И. А. Федосовой);

А я есть гордая Смерть сотворенна,
От Христа по тебе, смерть, послана я:
Хочу я тебя, Анику, умертвiti (...)
Полно тебе, Аника, воевати,
Соборныя церкви разбивати...

(Вятская губ., Варенцов, с. 112);

Поехал Ника-воин в Ерусалим-град:
Победить и церкви ограбить.
Там Господен гроб на воздусях.
А Господь не допустил, виши, —
И послал Смерть навстрету...¹⁶

(Заонежье).

¹⁵ Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными : В 3 ч. О. Х. Агреневой-Славянской. СПб., 1889. Ч. 3. С. 124.

¹⁶ Духовные стихи Обонежья: (По материалам экспедиций 1926—1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 477 (далее — ИРФ, с указанием страницы).

При таком преосмыслении функции Смерти стих об Анике оказывается в одном ассоциативном ряду не столько с древнерусским источником, сколько с другими эпическими духовными стихами, прежде всего — с «Егорием и Змеем»:

На белом свету было три царьства,
Было три царьства беззаконних.
Как на ихнее да беззаконие
Напускал Господь Змею лютую...
(ИРФ, с. 467);

Согрязшила царьство Хмильское —
Напустил Господь да Змею, да Змею лютую <...>
А она стала есть людей...
(ИРФ, с. 468).

В свое время проф. М. Сперанский утверждал, что «чертвы внешнего облика смерти» в «Анике-воине» «заимствованы» именно из «Прений живота со смертью».¹⁷ «Самый образ Смерти в стихе очень своеобразен и рисуется довольно определенно: это двигающийся скелет, у которого за плечами целая сумка, в которой всевозможные инструменты — косы, пилы, шилья, крючья, в руках громадная коса; Смерть в духовном стихе объясняет назначение этих инструментов: пилой она подпиливает жилы, вследствие чего суставы человека слабеют и двигаться не могут; при помощи косы она скашивает, как добрый косец косит траву, людей; крючья назначены для того, чтобы вынимать из человека душу».¹⁸ Сложно сказать, каким материалом оперировал учений, однако среди известных нам вариантов «Аники-воина» нет ни одного, который бы содержал подробное перечисление смертоносных «инструментов». Не склонный к описательности духовный стих представляет их в действии и об общем их «составе» можно судить лишь на основании различных вариантов «Аники». Что же касается самого облика Смерти, то лишь в одном прозаическом фрагменте (приведенном в качестве варианта к устному сказанию об Анике) он близок к обрисованному М. Сперанским: «Глядь — идет к нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голые!».¹⁹ В остальных случаях описание облика Смерти (если оно наличествует) в духовном стихе весьма своеобразно, причем варьируется незначительно:

У чуда ноги лошадины,
У чуда тулово зверино,
У чуда буйна глава человечья,
На буйной главе власы до споясу
(Варенцов, с. 121);

У ей тулово зверино,
Ише ноги все лошадины,
Голова человеческая,
Власы у его до пояса
(Марков, с. 126);

А тулово зверино
А ноги лошадины,
А голова у чуда и человеческая,
А власы до пояса
(Гр. III, с. 60).

¹⁷ Сперанский М. Русская устная словесность. М., 1917. С. 375.

¹⁸ Там же. С. 374.

¹⁹ Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 109.

Одним из первых указал на нехристианский характер образа Смерти в «Анике-воине» И. Жданов, уловив «очевидное сходство» «с представлением кентавра» и фантастическим описанием людей «каподекви»: «главы у них человечьи, а ноги передния и задния конская».²⁰ Дополнившие изображение Смерти (в большинстве вариантов «Аники») длинные, до пояса, «власы», скорее всего, — результат влияния устнopoэтического творчества, других духовных стихов.²¹ И лишь сочетание «тулово зверино» возвращает нас к древнерусскому источнику, и именно к «распространенным» редакциям «Прений», в которых Смерть имеет «подобие (...) человеческое, а хожение звериное».²²

Несмотря на сохранение в стихе об Анике-воине элементов книжной лексики, даже в тех вариантах, где их наличие наиболее явно, мы практически не найдем прямых текстовых заимствований из древнерусского источника.

Попутно заметим, что при устном бытении стиха текстовые заимствования из «Прений» могли передаваться в искаженном виде и первоначальный их смысл постепенно затмнялся, причем не только для исполнителя, но и для собирателя. Один из таких примеров нам встретился при подготовке к публикации мезенских духовных стихов из полевых тетрадей А. М. Астаховой 1928 г.

Хватил Оника-воин сабельку воиньску,
Хотел Оника-воин голову срубити —
Не мог Оника-воин вызнети: ослаб ить!

(РФ 32, № 9)

Последний из приведенных стихов повторялся трижды при описании попытки Аники расправиться со Смертью и имел в полевой записи иное начертание: «Не мог Оника-воин вызнети ослабить». Непонятное в данном контексте «ослабить», на наш взгляд, — могло появиться в результате забвения и искажения «источникового» текста: «составы раслаби (...). И аbie омертвися тела мое: ни рукою, ни ногою не имех двигнутися».²³ Неясным может показаться и желание Аники расправиться «с костью» (стих 30 того же текста): вместо слова «Смерть» называется один из ее «инструментов», перечисляемых в «Прении» и не называемый, заметим, ни в одном из вариантов духовного стиха (кроме связанного с лубком текста, о чем далее).

Учитывая общее направление в изучении связи «Аники-воина» с древнерусской повестью XVI в., мы стремились оттенить не столько сходство, сколько «концептуальное» отличие духовного стиха от «Прений», позволяющее рассматривать его в общей системе устной духовной поэзии.

Однако далеко не все ученые считали (и, возможно, считают) первоисточником именно повесть о споре живота со смертью. Автор уже упоминавшегося нами труда «К литературной истории русской былевой поэзии» полагал, например, что «стих об Анике-воине представляет только пересказ, хотя и значительно измененный, греческого сказания о бое Диogenisa с Хароном»²⁴ впоследствии «осложненный» «прением».²⁵ В современных публикациях «Аники» как общепризнанное и уже не требующее доказательств повторяется (с некоторы-

²⁰ Жданов И. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881. С. 67.

²¹ См. об этом несколько подробнее: Петрова Л. И. Сюжет о Марии Египетской в устной и письменной традиции // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. С. 107.

²² «Прение». С. 164, 169 — 4-я редакция; аналогичное описание: с. 176 — 5-я редакция; с. 180 — 6-я редакция, и др. Заметим, что описание Смерти в текстах первых трех редакций древнерусской повести ассоциаций с духовным стихом об Анике не вызывает: «Видение твое яко лва страшна, ревещи, яко пантер; полон есть червей и змиев...» («Прение». С. 145 — 3-я редакция; аналогичное описание: с. 141 — 1-я редакция; с. 143 — 2-я редакция).

²³ Там же. С. 151 (3-я редакция).

²⁴ Жданов И. К литературной истории... С. 81.

²⁵ Там же. С. 82.

ми нюансами): «Произведение опирается, с одной стороны, на переводное греческое сказание о сражении богатыря Дигениса Акрита с Хароном (перевозчиком в царство мертвых), а с другой — на древнерусскую повесть (переведенную с немецкого) „Прение Живота и Смерти”».²⁶

Тем не менее говорить о связи духовного стиха об Анике с греческими песнями о Дигенисе Акрите следует, на наш взгляд, с большей осторожностью. Как правило, просто ссылаются на статью А. Н. Веселовского «Отрывки византийского эпоса в русском».²⁷

Однако связывая имя Аники с именем византийского Аникиты («эпитет Аникиты, непобедимого, стал собственным именем»)²⁸ и справедливо замечая, что, «как и Дигенис греческих песней», Аника «живет долгие годы (222, 331 и даже 390 лет)»,²⁹ ученый выражал согласие с Н. С. Тихонравовым, который возводил стих к древнерусской повести.³⁰

На текстовом уровне отмеченными А. Н. Веселовским «совпадениями» фактически ограничиваются, как нам кажется, точки соприкосновения «Аники-воина» с греческими сказаниями о Дигенисе Акрите. В последних отсутствует основной «стержень» духовного стиха — диалог-спор богатыря со Смертью. Да и самий облик Смерти далек от представленного народной духовной поэзией: «...увидел храброго, босого, в пестрой одежде, с блестящими, как молния, глазами...», «...увидел босого, в богатых одеждах; его волосы блистали, как солнце, как молния, его глаза...».³¹

Малочисленность известных на сегодняшний день записей «Аники-воина» препятствует выявлению различных версий этого духовного стиха. Однако именно как попытку такого рода еще в XIX столетии можно рассматривать некоторые замечания исследователей. Так, И. Жданов констатировал: «Есть, впрочем, пересказы стиха об Анике, в которых о путешествии в Иерусалим не упоминается, а вместо того вставлены в стих такие подробности:

И говорит он (Аника) Господу Богу,
И говорит он рець похвальною,
Похвальною рець, Господу противну:
„Кабы дал да мни-ка Господи
С небеси во столби колециушко булатно,
Повернул бы я всю землю на сине небо,
А сине небо на сирь землю —
На миру бы смерти не было,
И народ бы был весь жив!”
Да не полюбились эти реци Господу Богу —
Посыпал он два сумоцьки переметны...»³²

Весь разговор далее ученый сводил к эпизоду с двумя «сумочками», которые не смог поднять Аника.

Как «другой стих об Анике-воине» характеризовал в своем труде М. Сперанский варианты «Аники», включающие «в начале эпизод о „земной тяге”»,³³ и поднимал вопрос о возможной «перелицовке былины о Святогоре в стих об Анике».³⁴

²⁶ Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, comment. Ф. И. Селиванова. М., 1991. С. 315.

²⁷ Вестник Европы. 1875. Т. 4. С. 763—774.

²⁸ Там же. С. 770.

²⁹ Там же. С. 766.

³⁰ Там же. С. 767.

³¹ Там же. С. 763.

³² Жданов И. К литературной истории... С. 63—64.

³³ Сперанский М. Русская устная словесность. С. 375.

³⁴ Там же. С. 376.

В примечании — по неизбежности кратком — к современной публикации одной из поморских записей А. Д. Григорьева обозначено: «Сбивчивый рассказ о безуспешных попытках „Оники“ поднять „ядрышко“ — не механическое перенесение из былины „Святогор и тяга земная“ (на Онежском берегу она собирателям не встретилась), а начало одной из северорусских версий духовного стиха об Анике-воине».³⁵

Заметим, однако, что такого рода вариантов, включающих эпизод с «сумочками переметными», всего два. Один из них, как справедливо утверждается в указанном комментарии к григорьевскому тексту, «дефектен, крайне беден эпическими формулами». Добавим, что он воспринимается, как плохая компиляция не просто разных вариантов, но разных сюжетов, как сочетание лубочной переделки текста об Анике-воине («Ох, кака ты, Смерть, что за баба, что за пьяница! Я тебя не боюсе и косы не страшусе» — Гр. I, № 7) и сюжетных новообразований неясного пока происхождения (рассказ о падчерице, которая уговаривает Смерть взять ее вместо Оники).

Второй вариант (процитированный И. Ждановым) был передан П. Н. Рыбникову Н. В. Обручевым и имеет неполную паспортизацию: лишь указание на Спасоматкозерский приход Вытегорского погоста.³⁶ Композиционно текст делится на две части: эпизод с «сумочками» и собственно встреча со Смертью, образ которой явно искажен («Лежит (видимо, по аналогии с лежащими на дороге сумочками переметными. — Л. П.) тут Цюдо цюдноё (...): Руки-ноги лошадиные, / А голова лежит звериная, / А туша целовецека»). Нетрадиционно и алогично начало стиха:

Жил-был Оника-воин,
Жил-был недолго —
Жил триста тридцать единое лето».

Обратим также внимание на то, что в конце первой части этого варианта упоминается «конь Обахмат» (на которого Аника садится после безуспешной попытки поднять «сумоцьки»), не встречавшийся нам ни в одном из эпических текстов. Почти так же конь назван лишь в духовном стихе об Анике, записанном П. Н. Рыбниковым от крестьянки Дмитриевой в д. Прятки Петрозаводского уезда Святозерской волости: «Упал Оника с добра коня Бахмат». ³⁷ Таким образом взаимосвязаны две эти записи, нам пока не ясно, но связь эта явно существует.

Для выявления особой северорусской версии «Аники-воина» материала двух далеко не полноценных текстов все же недостаточно. С большим основанием, на наш взгляд, можно было бы отнести к особой версии сюжета группу вариантов, распространенных главным образом в районах Обонежья, где на первый план выходит мотив хвастовства героя. Именно в этих текстах упоминание града Иерусалима как главного объекта уничтожения, основной цели разрушительной поездки богатыря Аники либо отсутствует, либо содержится лишь в его хвастливой речи:

И похваляется сильный могучий Аника-воин
Иерусалим-град раззорить,
Господень Гроб разбить³⁸

³⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым : В 3 т. / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. С. 655.

³⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1-е изд. М., 1862. Ч. 2. № 48.

³⁷ Там же. № 81.

³⁸ Барсов Е. В. Из обычая обонежского народа (Текст № 5) // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 12.

Аника здесь скорее зазнавшийся богатырь, бравирующий хулением веры Христовой, чем жестокий «идейный» враг христианства. Любопытно в этом отношении одно из примечаний П. Н. Рыбникова к тексту, в котором город Иерусалим не упомянут: «В разноречии Оника едет „Еросолим-град позорити”».³⁹

Одна из характерных особенностей этой группы вариантов — разрастание сказочных мотивов и образов, способствовавших постепенному переходу стиха об Анике-воине в прозу. К примеру, в тексте, записанном Е. В. Барсовым, у Аники в качестве оружия появляется «меч самосечный», а речь, обращенная к по-встречавшемуся «чуду чудному», — почти исключительно сказочные формулы:

Ай же ты, чудо чудное, диво дивное!
Красная ли ты девица?
Али молодая молодица?
Али пожитая молодушка?
Али старая старушка? <...>
И если старая старушка —
Назову тебя бабушкой,
Аж ли тая молодушка —
Назову тебя мамушкой.
Али молодая вдовица —
Так назову тебя сестрицей.
Али красная девица —
Так за себя возьму.⁴⁰

К обозначенной версии сюжета об Анике можно отнести и два текста, включающих эпизод с хвастливой попыткой героя поднять «сумочки переметные», позволяющий усилить основной для этой версии мотив хвастовства богатыря. Впрочем, новые архивные разыскания и публикации помогут, вероятно, уточнить наши предположения.

В заключение остановимся еще на одном любопытном факте, не привлекшем, насколько нам известно, внимания исследователей. Мы уже упоминали о тексте, записанном П. Н. Рыбниковым от крестьянки Дмитриевой д. Прятки Святозерской волости Петрозаводского уезда. Именно от нее собиратель зафиксировал и былину о Святогоре, традиционно представляющую сюжет «Святогор и тяга земная».⁴¹ Оба текста записаны прозой, хотя при первой публикации были разбиты на стихи.

Сопоставление названных текстов приводит к неожиданному результату. Сюжет духовного стиха об Анике и сюжет былины о Святогоре выстраиваются заонежской сказительницей по единой схеме: выезд героя в чистое поле, встреча с «чудом» (в первом случае это Смерть, во втором — «маленькая сумочка переметная») и смерть богатыря как итог этой встречи (в издании П. Н. Рыбникова окончание «побывальщин» совпадает текстуально: «тут ему было и кончение»).⁴² Причем в стихе Дмитриевой об Анике-воине нет эпизода с «тягой земной» и ничто не свидетельствует о каком-либо заимствовании из былины о Святогоре. В последней, напротив, нетрадиционно (если исходить из других сюжетов о Святогоре, включающих эпизод с «тягой земной») и название «пе-

³⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1-е изд. Примеч. к № 48 на с. 256.

⁴⁰ Барсов Е. В Из обычаев обонежского народа.

⁴¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1-е изд. № 7.

⁴² Необходимо, однако, оговорить, что в рукописи текста «Бывальщины про Онику-воину», существующей как часть письма собирателя и опубликованной в примечаниях при современном переиздании собрания П. Н. Рыбникова, концовка звучит иначе: «...и дух со бела тела вон». К сожалению, из комментария не ясно, на какой стадии были внесены собирателем исправления. См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 511.

реметной сумочки» «чудом», и главное — сама кончина богатыря в результате попытки поднять «сумочку». А реплика Дмитриевой, приведенная в 1-м издании П. Н. Рыбникова («Тяги-то земли он не нашел, — прибавила рассказчица, — а Бог его и попутал за похвальбу»), невольно возвращает нас к уже цитированному тексту «Аники-воина» из Спасоматкозерского прихода, в котором именно за похвальбу Господь посыпает Анике «две сумочки» и в котором встречается «конь Обахмат». Обращает на себя внимание и то, что записанные от Дмитриевой три сказа на разные сюжеты начинаются примерно одинаково: «...Не знал он себе супротивника...» («Про Онику-воина»); «...Не с кем Святогору силой померяться...» («Про Святогора-богатыря»); «...Был Илья Муромец так силен, что под конец не стало никого, кому бы с ним силой померяться...» («О Илье Муромце»).⁴³

Не желая делать каких-либо спешных выводов, мы тем не менее склоняемся к тому, что единственный в своем роде вариант Дмитриевой о Святогоре и тяге земной (содержащий только эпизод с «сумочками», завершающийся смертью богатыря) оформленся под воздействием известного исполнительнице сюжета об Анике-воине. Однако тем самым мы невольно ставим под сомнение существование сюжета «Святогор и тяга земная» как самостоятельного (во всяком случае, на стадии «зафиксированной» традиции).

На сегодняшний день специального исследования, рассматривающего или хотя бы учитывающего все известные варианты «Аники-воина» не существует.⁴⁴ Настоящая статья — лишь несколько шагов в этом направлении. Ниже публикуется расшифровка магнитофонной записи «Аники-воина», любезно предоставленной в наше распоряжение Кабинетом народного творчества Российской академии музыки им. Гнесиных (ф. 2079, № 5). Запись произведена в 1983 г. В. В. Мамаевой и А. Э. Чиликиной в д. Березник Мезенского района Архангельской области — от Елены Алексеевны Новиковой, 1917 г. рожд. (родом из д. Койнас).

«АНИКА-ВОИН»*

$\text{J}=60-64$

Жил - был О - ни - ка сто двад - цать е -
ди - ный год,

Не на ко - го О - ни - ка не на - ха - жи - вал,

Не на ко - го О - ни - ка не на - ез - жи - вал.

⁴³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1-е изд. № 16.

⁴⁴ Уже после сдачи настоящей статьи в издательство были опубликованы еще 6 архивных записей стихов об Анике-воине: Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926—1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. / Отв. ред В. М. Гацак. Т. 1: Эпическая поэзия / Вступ. статья, подгот. текстов, comment. В. А. Бахтина. М., 2007. С. 132—139.

* Нотировка Ю. И. Марченко.

Зду _ мал тут О _ ни _ ка ид _ ти - е _ ха _ ти
 Раз _ гром _ лять и _ мень _ я все, мо _ на _ сты _ ри. Са _
 - дил _ сэ тут О _ ни _ ка на до _ бра ко _ ня,
 Вы _ е _ хал О _ ни _ ка во ши _ ро _ ко по _ ле. На _
 - встре _ чу тут О _ ни _ ки Смерть пре _ стра _ шна _ я.

"Смерть ты мо _ я, Смерть пре _ стра _ шна _ я,
 Дай про _ жить О _ ни _ ки хоть е _ ди _ ный год!" -
 Не да _ ёт О _ ни _ ки Смерть пре _ стра _ шна _ я.

"Смерть ты мо _ я, Смерть пре _ стра _ шна _ я,
 Дай про _ жить О _ ни _ ки хоть е _ дин ме _ сяц:
 Раз _ гро _ мить и _ мень _ я все, мо _ на _ сты _ ри!" -
 Не да _ ёт О _ ни _ ки Смерть пре _ стра _ шна _ я.

Жил-был Оника сто двадцать единий год,
 Не на кого Оника не нахаживал,
 Не на кого Оника не наезживал.
 Здумал тут Оника идти-ехати
 Разгромлять именья все, монастыри.
 Садился тут Оника на добра коня,
 Выехал Оника во широко поле.

- Навстречу тут Оники Смерть престрашная.
«Смерть ты моя, Смерть престрашная,
10 Дай прожить Оники хоть единый год!» —
Не даёт Оники Смерть престрашная.
«Смерть ты моя, Смерть престрашная,
Дай прожить Оники хоть един месяц:
Разгромить именья все, монастыри!» —
15 Не даёт Оники Смерть престрашная.
«Смерть ты моя, Смерть престрашная,
Дай прожить Оники хоть единый день!» —
Не даёт Оники Смерть престрашная.
Замахнулся тут Оника во первой након —
20 Во плече-де-ка рука да роспоялася.
Замахнулся тут Оника во второй након —
Во локти-де-ка рука да роспоялася
Замахнулся тут Оника во третьей након —
Во кисти-де-ка рука да роспоялася.
25 Свалился тут Оника со добра коня,
Со добра коня — как овсяный сноп.